

приколотил к каждой избе особенный номер, и наконец так хорошо распорядился, что имение через шесть месяцев взято было в опеку. <...> Избы, почти совсем лежавшие на земле, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частию числиться в бегах. Сам же настоящий владетель <...> приезжал очень редко в свою деревню и проживал недолго» (2, 38).

К 1832 году изложенные в «Письме сельского жителя» соображения, как и более ранние обращения Карамзина к дворянству с призывом «наконец поселиться дома», в прямом и переносном смысле,⁵³ разумеется, не были для Гоголя новостью.⁵⁴ Но можно предположить, что именно неожиданная для Гоголя встреча и беседа с Дмитриевым о Карамзине освежили статью в его сознании, а возможно и заставили ее перечитать; содержание ее легло на реальные хозяйственные проблемы. Можно при этом заметить, что предложенное Гоголем решение этих проблем, в отличие от предлагавшегося Карамзиним, никак не касается отношений с крестьянами; тезис Карамзина: «Сверх того, обхождение мое с ними показывает им, что я считаю их людьми и братьями по человечеству и христианству», — пока не имеет соответствия. Гоголь обратится к этой стороне темы только в «Мертвых душах» и письме «Русской помещик», по-своему возвращаясь к Карамзину, как возвращался и раньше, в случае с трактовкой исторических событий.

⁵³ Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. С. 275.

⁵⁴ Уже в письме матери от 24 июля 1829 года, говоря о нежелании служить и «не иметь силы принести на копейку добра человечеству», служить «для того, чтобы не сидеть дома, не бить баклуши», Гоголь далее, в частности, замечал: «Еще глупее те, которые оставляют отдаленные провинции, где имеют поместья, где могли бы быть хорошими хозяевами и принести несравненно более пользы, или, если уже дворянину непременно нужно послужить, служили бы в своих провинциях; так нет, надо потаскаться в Петербург, где мало того что ничего не получают, но сколько еще перетаскают денег из дому, которые здесь истребляют неприметно в ужасном количестве» (10, 146; хотя в том же письме сам он непоследовательно послал матери «отречение от своей части имения» в качестве возмещения потраченных на заграничную поездку средств — см.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 154; письмо А. В. Гоголь А. М. Черницкой, 1889 год).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-37-41

© В. Я. ЗВИНЯЦКОВСКИЙ

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В «МИРГОРОДЕ» Н. В. ГОГОЛЯ

«От дворянина Миргородского повета и помещика Ивана, Иванова сына, Перерепенка прошение; а о чем, тому следуют пункты:

1) Известный всему свету своими богопротивными, в омерзение приводящими и всякую меру превышающими законопреступными поступками, дворянин Иван Никифоров, сын Довгочхун, сего 1810 года июля 7 дня учинил мне смертельную обиду...»¹

На первом пункте мы и остановимся: для комментатора он важнее остальных, ибо позволяет точно датировать ссору двух Иванов и таким образом понять тот исторический фон, на котором она происходит.

Только на первый взгляд кажется, что в гоголевской повести речь идет о «вечных», «общечеловеческих» взлетах (дружба Иванов) и падениях (ссора

¹ Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [Б. м.], 1937. Т. 2. С. 248. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

Иванов) человеческой природы, по поводу которых меланхолический повествователь рефлексировал в настроении романтической иронии. Однако после Г. А. Гуковского мы имеем доказанные эстетические основания вопроса о реализме «Миргорода» ставить, например, в следующей плоскости: «...и Бульба и Иваны — украинцы, миргородцы; Бульба и Иван Никифорович явно походят друг на друга и своим положением вольной шляхты (Иван Иванович — тоже шляхтич, дворянин, но он — не наследственный, а «выскачка» из поповичей), и своей комплекцией, внешним обликом. Это — сходные люди сходного места в жизни и типа. Тем разительнее их отличие друг от друга, тем острее вопрос: почему же человек, рожденный быть Тарасом, становится Иваном Никифоровичем?»² Исторический контекст здесь явно не будет лишним — он необходим нам как воздух реализма.

Об «историческом ядре» «Миргорода» — двух повестей о прошлом Украины — автору этих строк уже доводилось писать.³ Посмотрим теперь, нет ли подобных исторических «зацепок» в двух обрамляющих повестях о современности. Было бы особенно интересно найти хотя бы одну общую для них — некий ключевой историзм, встречающийся в обеих рамочных произведениях. На один могу указать — это слово *милиция*. Вспомним следующие эпизоды из повестей «Миргорода»:

«Один только раз Пульхерия Ивановна пожелала обревизировать свои леса. Для этого были запряжены дрожки с огромными кожаными фартуками, от которых, как только кучер встряхивал вожжами и лошади, служившие еще в *милиции*, трогались с своего места, воздух наполнялся странными звуками, так что вдруг были слышны и флейта, и бубны, и барабан; каждый гвоздик и железная скобка звенели до того, что возле самых мельниц было слышно, как пани выезжала со двора, хотя это расстояние было не менее двух верст» (2, 20; «Старосветская помещица»; здесь и далее курсив наш. — В. З.).

«Задавши себе такой глубокомысленный вопрос, Иван Иванович задумался; а между тем глаза его отыскивали новые предметы, перешагнули чрез забор в двор Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытным зрелищем. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развешивала его на протянутой веревке выветривать. Скоро старый мундир с изношенными обшлагами протянул на воздух рукава и обнимал парчовую кофту, за ним высунулся дворянский, с гербовыми пуговицами, с отъеденным воротником; белые казимировые панталоны с пятнами, которые когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которые можно теперь натянуть разве на его пальцы. За ними скоро повисли другие в виде буквы Л. Потом синий казацкий бешмет, который шил себе Иван Никифорович назад тому лет двадцать, когда готовился было вступить в *милицию* и отпустил было уже усы. Наконец, одно к одному, выставилась шпага, походившая на шпич, торчавший в воздухе» (2, 228–229; «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

«...это ружье дорогое. Таких ружьев теперь не сыщете нигде. Я, еще как собирался в *милицию*, купил его у турчина» (2, 234; «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

² Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 120.

³ См.: Звиняцковский В. Я. 1) Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII — первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. [Статья 1]. «Тарас Бульба» и «История русов» // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 289–307; 2) Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII — первой трети XIX века и документированной истории Украины. Статья 2. Исторические реалии в «Вие» // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. СПб., 2011. С. 166–178.

Лексема «милиция» настоятельно требует реального комментария, а он, в свою очередь, зависит от того, о какой, собственно, «милиции» идет речь: какой страны, какой эпохи.

Страна, разумеется, Украина. Об эпохе в «Старосветских помещиках» дается косвенное представление: лошади, служившие еще *в милиции*, — это очень старые лошади, может быть, даже невероятно старые, и далеко не все лошади доживают до такого предельного возраста.

На вопрос, сколько лет живут лошади, имеется ответ: от 25 до 30. Те, что упомянуты в повестях, служили в милиции не в пору своего жеребьячества, значит, лет как минимум за 25 до описанных событий. На момент «рассказывания» «Старосветских помещиков» (*нынче, сейчас* — т. е. в 1835 году) Пульхерии Ивановны уже нет в живых, но умерла она недавно. Предположим, что последнюю свою «ревизию» она совершила года три назад, т. е. около 1832 года. Следовательно, лошади служили в милиции примерно в 1807 году. Но не все так просто с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Рассказывая о событиях того самого лета 1810 года, когда Иван Никифорович поссорился с соседом, повествователь сообщает, что Иван Никифорович готовился было вступить в милицию «назад тому лет двадцать». Получается — в 1790 году. Но, как мы сейчас увидим, повествователь в данном случае держит в уме не 1810 год, т. е. время события, а все те же 1834–1835 годы, т. е. время повествования. Однако в этом случае уже не только 1790 год, когда не было еще никакой милиции, но и 1807 год вряд ли подойдет. По отношению к 1834–1835 годам это не 20, а почти 30 лет, и лошади столько не живут...

Несомненно, перед нами анахронизм, но какого рода? Невольная, бессознательная ошибка? Или же еще одна микротема в составе большой темы несостоявшегося казачества Ивана Никифоровича? Ведь, как оказывается при ближайшем рассмотрении, у него была не одна, а две возможности собраться, да отчего-то так и не собраться «в милицию». И обе они были на памяти у современников Гоголя.

Тема, которую предлагает нам повествователь в подтексте упоминаний о «милиции», весьма любопытна, — это тема участия украинского войска в наполеоновских войнах.

Французский историк Э. Дрио о «наполеоновских планах» сообщает нам следующее: «Одно время Наполеон думал поднять казанских татар; он также приказал изучить восстание казаков под предводительством Пугачева; он верил в существование Украины и думал о Мазепе <...> но остановился пред грозной тайной степей».⁴

Между тем правительство Александра I ни о какой опасной для себя «тайне степей», во всяком случае украинских, не думало и не гадало. Так, в разгар наполеоновских войн 1806–1807 годов, шедших тогда еще вне территории Российской империи, на случай вторжения официально признанного антихристом Наполеона Бонапарта в Малороссийской губернии по высочайшему повелению и была учреждена так называемая «милиция». Рядовые «милиционеры», сиречь ополченцы, набирались из украинских крестьян, офицеры — из украинских дворян. Местное население должно было обеспечить «милицию» лошадьми. Одним из лиц, ответственных за формирование «милиции» в Полтаве, был не кто иной, как автор «казацкой» «Энеиды» мелкопоместный дворянин Иван Петрович Котляревский. Однако после подписания Тильзитского договора (1807) «милиция», к величайшему разочарованию воспрянувшего было духом полтавского «казачества», была распущена.

⁴ Driault E. Napoléon et Europe: La chute de l'Empire. Paris, 1927. P. 27–28.

Однако же набор в ополчение, «милицию» или «украинские казачьи полки» (именно так они и значатся во всех русских, французских, немецких и прочих реляциях уже с реальных полей «битвы народов») был немедленно возобновлен в 1812 году. К сожалению, судьба этих полков мало изучена, а из посвященных им работ самой основательной остается выполненная по западным источникам работа украинского политэмигранта первой волны, бывшего петлюровского сотника О. Переяславского.⁵ Общую численность украинского ополчения 1812–1814 годов, вместе с пополнениями, Переяславский определил в 100 тысяч человек, что составляло треть всего ополчения Российской империи!

Отчего же царское правительство допустило формирование этих частей? Разве можно было исключить опасность, что Наполеон, реально и вовремя оценив обстановку, неблагоприятно сложившуюся для него в России, из Москвы двинется на юг, в богатую, процветающую Украину, ища там военно-политической поддержки (как это было в Польше), — и тогда стотысячная украинская армия перейдет на его сторону? Ведь если Наполеон, как изящно выразился французский историк, «верил в существование Украины», то не могла ли и Украина поверить в то, что в лице Наполеона она получает реальную возможность, подобно Польше при Наполеоне, получить независимость и войти в семью европейских народов? То есть стать частью той, по классическим законам развивающейся капиталистической экономики, что была и остается во всем противоположна семейно-патриархальной хозяйственной модели, которую иронически изобразил нам Гоголь в образе хозяйственной деятельности Пульхерии Ивановны?

Наполеон Бонапарт, даже и после того, как он объявил себя императором, неоднократно, и не только на словах, но и на деле, заявлял себя носителем ценностей и достижений буржуазной французской революции, как бы молчаливо предполагая, что и вся остальная Европа уже дозрела до такого состояния и мировоззрения, чтобы разделить эти ценности.⁶

Но послушаем, что говорит конкретно о французах капитан полтавской «милиции» И. П. Котляревский в своей знаменитой «козацкой» «Энеиде»:

Вони і на Владику лають,
За горло всякого хватають,
Гризуться і проміж себе,
У них хто хитрий, то і старший,
І, знай, всім наминає парші,
Чуприну всякому скубе.⁷

Ну а уж если такой народ возглавил и повел на восток сам антихрист, то Ивану Никифоровичу, «рожденному быть Тарасом» (тот, как мы помним, тоже всю свою жизнь искал ответа на вопрос: если «не можно» воевать со всякого рода «антихристами», то «на какого чорта мы живем?»; 2, 69), не остается ничего иного, как отрастить себе усы, купить у турчина специальное ружье, каких «теперь не сыщете нигде», да и записаться в антинаполеоновскую милицию.

Тот Апокалипсис отменили, а несостоявшегося антихриста отправили, в пример иным-прочим, гнить в тоске на остров Эльба — но со дня на день ждут уже нового.

⁵ Переяславский О. Украинская вооруженная сила в наполеоновских войнах 1812–1814 гг. // Табор (Варшава). 1933. № 19, 20; 1934. № 21, 22, 23, 25, 26.

⁶ См.: Тарле Е. В. Наполеон. М.; Л., 1957.

⁷ Котляревський І. Твори. Берлін, 1922. Т. I. Енеїда / З передмовою й поясненнями Б. Лепкого. С. 76.

В свое время Д. И. Чижевский убедительно связал соответствующие настроения Гоголя с предсказаниями немецкого мистика Юнга-Штиллинга о конце света, ожидаемом в 1837 году.⁸ И хотя Иван Никифорович так и не собрался на битву с антихристом, но для автора «Миргорода» эсхатологические ожидания сохраняют свою актуальность на протяжении всего его творчества. И лошади Пульхерии Ивановны, эти кони Апокалипсиса, «служившие еще в милиции», несмотря на свою фантастическую старость — вдруг прогремят гоголевской птицей-тройкой, так что вновь станут слышны и флейта, и бубны, и барабан...

⁸ См.: *Чижевский Дм.* Неизвестный Гоголь // Новый журнал (Нью-Йорк). 1951. № 27. С. 140.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-41-58

© Е. Е. ДМИТРИЕВА

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ТОМА «МЕРТВЫХ ДУШ»: ЗАМЫСЛЫ И ДОМЫСЛЫ

Загадок в жизни и творчестве Н. В. Гоголя было, как известно, немало. Одной из самых серьезных, интригующих и до сих пор нерешенных (и нерешаемых) в его наследии оказалась загадка второго тома «Мертвых душ», апофеозом двукратного (по другой версии — трехкратного¹) сожжения которого стало полыхание огня в камине дома А. П. Толстого на Никитском бульваре в ночь с 11 на 12 февраля 1852 года. Огонь уничтожил как будто бы уже совершенно готовую рукопись второго тома поэмы. Говорю «как будто бы», поскольку о существовании полностью законченного тома мы имеем лишь косвенные данные: туманные высказывания самого Гоголя и исполненные надеждой пророчества его современников.² Очевидца этого последнего сожжения, гоголевского слугу Семена, достоверным свидетелем тоже назвать было трудно, тем более что по мере того как его расспрашивали о случившемся, рассказ обростал новыми деталями, а значение собственной значимости возрастало.

Противоречива и история обретения пяти глав второго тома, скорее всего не равнозначных тем, что были сожжены, но все же дававших некоторое представление о том, как должно было развиваться действие поэмы далее. Печаль, которую испытали друзья Гоголя при мысли о том, что второй том навсегда потерян, постепенно стал сменяться некоторой, поначалу робкой надеждой

¹ Ср. в «Четырех письмах к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» («Выбранные места из переписки с друзьями»): «Затем сожжен второй том М<ертвых> д<уш>, что так было нужно. „Не оживет, еще не умрет“, говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясеньем...» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. [Б. м.], 1952. Т. 8. С. 297; далее ссылки на это издание приводятся сокращенно, с указанием номера тома и страницы). Н. С. Тихонравов на основании этого письма относил начало работы над вторым томом к 1840 году (*Гоголь Н. В.* Соч.: В 7 т. 10-е изд. М.; СПб., 1889. Т. 3. С. 536). Второе сожжение второго тома произошло в начале июля 1845 года в одном из городов, куда Гоголь ездил летом в поисках лечения. Как возможное место сожжения называются Франкфурт, Берлин, Карлсбад, Гомбург.

² См. подробнее: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2020. Т. 8. С. 472–476 (раздел «Версии сожжения рукописи», подготовленный Ю. В. Манном).